

Семён Данилюк

Убить после смерти

Семён Александрович Данилюк

Убить после смерти

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7073431
Убить после смерти / С. Данилюк: Авторское; 2009*

Аннотация

Ангел-хранитель, проворонивший убийство своего подопечного, спускается на землю. У него неделя, чтобы восстановить обстоятельства преступления. В поисках убийцы ему помогают жена погибшего Ксюша и таинственная девочка-индианка.

Содержание

Эпизод 1. Апрель 2002 года. Калуга	4
Эпизод 2. Февраль 2008 года. Джайпур (Индия)	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Семен Данилюк

Убить после смерти

*«...смерть убирает человека тогда, когда всё,
и дурное и хорошее, что могла получить от него
жизнь, – получено, мера дел его исполнена, и лицо
его ясно перед Богом»*

Михаил Арцыбашев

Эпизод 1. Апрель 2002 года. Калуга

Наблюдать за купающимися в апрельской луже воробьишкой было забавно.

Он мотал головой с победно задранным клювиком, елозил брюшком в мутной жиже, трепыхал мокрыми крылышками и, оттягивая удовольствие, поглядывал на рябиновую ветку в подтаявшем льду. Восторженное создание, намерзшееся за долгую, полную тревог зиму, настолько разморилось под мягкими солнечными лучами, что утратило привычное чувство опасности, и совершенно не замечало подкрадывающегося матерого кота. Единственный желтый глаз хищника горел предвкушением, – он уже вышел на дистанцию прыжка.

Мне стало жаль бедного недотепу, обреченного погибнуть на пороге выстраданной им весны. Не удержавшись, я ле-

Гонько дунул.

У воробья взъерошились перья. У кота дыбом поднялась шерсть. Оба принялись обеспокоенно вглядываться в стылый воздух. В следующее мгновение воробьишко заметил опасность и взмыл вверх перед носом замешкавшегося охотника. Лишенный добычи кот негодуяще фыркнул и удалился с видом оскорбленного достоинства.

– Опять ты вмешиваешься в естественный ход событий, – послышался укоризненный голос Анхэ. Вот уж кто непревзойден в искусстве подкрадываться. – А что если поблизости оказался бы не я, а суперконтролер? Ведь имеешь несколько замечаний, в том числе занесенное на голограмму.

– Жалко стало, – виновато пробормотал я, понимая, что Анхэ как всегда прав.

– Единственная реализация жалости, на которую нам дано право, – охрана своего поднадзорного, до тех пор, пока он сам не сойдет с предначертанного пути, – бесстрастно отчетливо кивнул Анхэ. Это у него *здорово получалось*, – накрепко запоминать инструкции. А я вот на экзаменах вроде помню, а в жизни – как-то упускаю.

При виде моего уныния Анхэ смягчился.

– Мне надо срочно отбыть в Доминикану. Идет ураган «Катрина» и назревает угроза тамошнему поднадзорному, – сообщил он с досадой. – Ведь что обидно: все равно через семь месяцев ему суждено умереть от рака желудка. Казалось, какая разница? Еще и тяжелых мучений избежал бы. Так

нет, тащи до близкого предела, – судьба, видишь ли! Впрочем тут же взбодрился. – Ничего, как там у смертных? Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Превозможем! В нашем цеху Анхэ слыл выдающимся виртуозом-многостаночником. Он даже выступил с почином – с целью экономии ангельских ресурсов надзирать одновременно за несколькими десятками душ в разных концах земного шара. Вверенные души он именовал не иначе как «поднадзорные». Подчеркивая тем главную, по его мнению, миссию ангела-хранителя.

В случае успешного завершения эксперимента его планировали выдвинуть на Архангела. И надо признать, Анхэ и впрямь поспедал всюду, – за всё время ни единого прокола. Не то, что у меня, – и за одним-единственным-то не доглядишь.

– Тебе придется в моё отсутствие присмотреть за моей здешней поднадзорной. Сумеешь? – спросил Анхэ со строгостью. Мне уже доводилось подстраховывать его в частых отлучках.

Но в этот раз я отчего-то перетрусил.

– А вдруг мой хранимый и твоя решат провести вечер порознь? Ведь «заказ» на его убийство никто не отменял.

– До утра они будут вместе, – снисходительно успокоил Анхэ. – А если даже разъедутся на час-другой, то я провидел, – твоему сегодня ничто не угрожает. Главное, не упустить мою. Вот с ней, сам знаешь, не в порядке. В случае преждевременных родов грозит смерть. Так как, можно на

тебя положиться?

Не отказывать же в пустяке. Конечно, я согласился. Тем более, присматривать за очаровательной Ксюшей было очень приятно.

– К утру вернусь, – заверил меня Анхэ, готовясь удалиться. Но вдруг нахмурился, озабоченный. – Все-таки, Анхель, твоё разгильдяйство добром не кончится. Чувствую, подведешь и себя, и меня. Пока ты воробышку спасал, опять проворонил поднадзорных.

В самом деле джипа во дворе коттеджа уже не было.

– Сейчас верну, – смущенно заверил я.

– И когда у тебя наконец прибавится ответственности? – посетовал Анхэ. – Как только меня поднимут в высшие сферы, похлопочу, чтоб и тебя с земли убрали. Я всегда утверждал: чрезмерное вникание в жизнь смертного контингента пагубно влияет на неокрепшие создания. Последнее донеслось издалека.

Наверное, Анхэ и здесь прав.

... – Черт! – едва отъехав от загородного коттеджа, Павел Игумнов с силой надавил на тормоз, отчего сидящая рядом Ксюша чуть не боднула лбом массивное лобовое стекло. – Вот видишь, из-за твоих душеспасительных бесед Пирата забыли!

Он круто, прямо по целине, принялся разворачиваться. Но, глянув в зеркало заднего вида, лишь приоткрыл дверцу машины, – забытый котяра дул во всю прыть вслед за бро-

сившими его хозяевами.

Жесткое лицо Игумнова при виде любимца расслабилось, – одноглазый Пират походил на самого Павла. Такой же битый-перебитый в бесчисленных схватках. Такой же независимый и неуступчивый. Впрыгнув в машину, Пират демонстративно уклонился от Ксюшиной ладони, пролез на заднее сиденье и там забился в угол, недовольно фырча, – пренебрежения к своей персоне он не прощал.

– Обиделся, хохотульный котяра, – констатировал Павел. Он нажал на газ, потянулся включить музыку, но попытка уклониться от разговора не удалась, – рука Ксюши загорела панель магнитолы.

– Давай хоть раз в жизни договорим до конца, – потребовала она.

Павел кротко выдохнул, уступая, но и выказывая тем, что мера отпущенного ему добродушия близка к переполнению.

– Ничего, я дольше терплю, – не отступилась Ксюша. – И, между прочим, вместе с тобой под смертью хожу. Так что имею право голоса.

Павел потупился, – возразить было нечего. В последний год находиться рядом с ним стало не просто рискованно. Это превратилось в экстрим.

Ксюша почувствовала смущение мужа.

– Сколько можно кликать смерть, Игумнов? – в голосе ее появился непривычный напор. – Вспомни последнее покушение. Эту кошмарную перестрелку. Ведь чудом остался в

живых!

«В самом деле, – чудом», – мысленно согласился я. В тот день я не удержался, – позволил себе самовольную отлучку. Как-то разом созрели абрикосы в харьковщине. В Изюме, Купянске, Чугуеве они свисали через заборы, шлепались в дорожную пыль, лопались и растекались. Воздух сделался так густ, что в нем можно было купаться, будто в сиропе. Хотелось бесконечно парить и кувыркаться. Единственно, что мешало получить полное блаженство, – невозможность обонять и ощущать то душистое благоухание, о котором говорили все вокруг. Запахи и вкус нам, увы, недоступны. Громкий вопль Ксюши с трудом пробился через тысячу километров и вернул меня к действительности как раз в тот момент, когда на моего хранимого уже напали прямо возле входа на Лужский стеклозавод. Нападавших было двое. И стрелять они начали с десяти метров, так что Павел успел оттолкнуть Ксюшу к заводской проходной, выхватить револьвер, который в последнее время постоянно носил при себе, и выстрелить в того, что был ближе, сбив его на бегу пулей. Но в следующее мгновение пуля в живот опрокинула на асфальт самого Павла. Не обращая внимания на рухнувшего подельника, киллер добежал до беспомощной жертвы, выстрелил в грудь, затем, торопясь, приставил пистолет к виску.

Вот тут-то я и подоспел.

– Даже сейчас как вспомню, так плющит, – Ксюшу и впрямь перетряхнуло от воспоминания. – Ведь это один слу-

чай на тысячу, чтоб при контрольном выстреле у убийцы заклинило оружие. – Вот видишь, значит, судьба играет на моей стороне, – попытался отшутиться Павел.

– Но не вечно же! Нельзя испытывать ее на излом. В конце концов и у твоей везучести есть предел. Устанет мучиться ангел-хранитель и бросит. Помяни моё слово, – бросит! И то удивляюсь, сколько в нем терпения. – Опять ты в свою поповщину ударилась, – пробурчал Павел. Не очень, впрочем, уверенно. События последнего года кого хошь убедят в существовании потусторонних сил. – И потом давай откровенно, – Ксюша решила отступить от обычной деликатности. – Надо же хоть чуть-чуть соизмерять свои желания с реальной жизнью. Допустим, в конце девяностых вам повезло за небешено дорого отхватить стеклозавод.

– Отхватить?! – тотчас вскинулся Павел. – Да когда я пришел, завод загибался. Зарплату не платили. Меня, если хочешь знать, на собрании весь коллектив едва не на коленях просил на директорство.

– Знаю, знаю, – неохотно признала Ксюша.

Всё она, конечно, знала. Впрочем, как и вся Калуга.

Павел Игумнов слыл удачливым, и что важно, крутым предпринимателем. В середине девяностых вместе с друзьями детства Андреем Мазиным и Евгением Сапегой организовал автомастерскую, открыл несколько моек. Попытки криминала взять махонький, но успешный бизнес под контроль натолкнулись на жесткое противодействие друзей.

Прежде всего – Игумнова. После нескольких стычек «братки» убедились – этого можно сломать, но не согнуть. Убедились – и отступились. Ломать оказалось небезопасно, а самим ломаться не с чего – не те сверхприбыли. Так и оставили утлый чёлн продолжать свободное плавание в мутных волнах российского предпринимательства. Сильно друзья не разбогатели. Но в областных масштабах считались людьми состоятельными. Настолько, что после обвала девяносто восьмого года руководители Лужского стеклозавода уступили им тонущее под бременем долгов предприятие едва ли не за бесценок. На этот бесценок заработанных на ремонте автомашин средств как раз хватило. Но оказалось, что приобрести и владеть – разные вещи. Необходимо было проплачивать долги, зарплату. А главное – модернизировать дряхлое оборудование. Завод оказался чемоданом без ручки. Павел бросился по банкам. Увы, кредитовать фактического банкрота охоты ни у кого не нашлось. Компаньоны бились, выгадывая каждый рубль. Дабы просто удержаться на плаву. Через пару лет инвестиционный климат в стране слегка потеплел, и в Калуге объявилась итальянская фирма, согласившаяся перекупить завод. Намаявшиеся в безденежье Мазин и Сапега готовы были уступить свои акции, но, увы, уперся Игумнов. «Если согласны платить, значит, завод стоит больше. Надо только поднапрячься, перезанять денег, и тогда сами будем в шоколаде», – убеждал он друзей. Увы! Но точно так же рассудили и бандиты. Раз итальянцы готовы купить завод, значит,

на его перепродаже можно заработать. Следовательно, надо отобрать завод у нынешних владельцев и перепродать самим. Завод не автомастерская, – тут было за что «ломаться». Компания «Вектра», за которой скрывалась криминальная группировка, возглавляемая калужским авторитетом Степаном Голутвиным, сделала друзьям коммерческое предложение, – уступить акции по себестоимости. В подтверждение серьезности намерений голутвинские боевики привели аргументы: угнали новенькую «Тойоту» Мазина, сожгли дачу Сапеги, прямо на автостоянке взорвали джипчик Игумнова. Вроде как намекнули. Мазин и Сапега подтвердили готовность к переговорам. Но вот Игумнов! Этот намеков решительно не понимал. Даже после покушения, едва не стоившего ему жизни, не изменился. Выйдя из больницы, принялся с прежним рвением носиться по банкам в поисках кредита. Судьба упряма стала казаться предрешенной.

– Павел, милый! – с мольбой в голосе произнесла Ксюша. – Взгляни наконец на вещи трезво. Сколько можно брѣдать впотьмах? Вся твоя жизнь превратилась в поиск денег. Но их как не было, так и нет. Всем, кроме тебя, ясно, что завод не поднять. Его надо продать и отойти в сторону. Не хочешь из принципа отдать Голутвину, верни опять итальянцев. И негодяя Голутвина умоешь, и сам будешь в шоколаде. – Какие все вокруг легкие, – продать! И умные задним числом – все, оказывается, видели, что не поднять, – желчно процедил Павел. – Да если б наше банковское жлобьѐ рас-

кошелилось хотя бы на два жалких «лимона», этого хватило бы, чтоб реконструировать поточную линию. И мы сразу выходили на прибыль. Я ж всё просчитал!

– Он просчитал! – простонала Ксюша, страдая от невозможности взломать железобетонную упертость мужа. – Господи, Павел! Чего за эти годы добился? Хоть теперь-то спустись на землю! Да нет дураков давать кредит без надежного обеспечения! Тогда не было, и теперь нет!

– А вот и есть! – торжествующе выкрикнул он. – Есть! Жаль только, что припозднилось. Эх, если б эти трусы акции свои не спустили, хрен бы я от завода отступился!

Ксюша скривилась, будто от зубной боли. – Да любой нормальный человек на месте Мазина и Сапеги сделал бы то же самое. И то из-за тебя сколько тянули. А так – продали, да и отошли.

– Отдали за поди знай что! – Пусть! Зато живы.

– Так и я жив, – Павел усмехнулся победительно и тем совершенно вывел жену из себя.

– Да ты жив-то только благодаря мне! – надрывно выкрикнула она.

Это было правдой! Раны, особенно в животе, в первый момент показались смертельными. К тому же началось воспаление, пошли спайки. Полгода, почитай, безвылазно мы с Ксюшей провели в районной больнице. Сначала в реанимации, потом в обшарпанном больничном коридоре, куда за неимением мест клали безнадежных. И только после того как

Мазин с Сапегой «занесли» главврачу, – в одноместной палате. За эти месяцы пережили три полосных операции. Положим, за операции отвечал я. Но заживление шло безумно трудно. Только воля хрупкой молодой женщины продолжала тащить мужа с того света, не давая разувериться врачам. Да и мне тоже. Анхэ настаивал, чтоб я отступился, – все-таки мой хранимый и впрямь превысил меру отпущенной судьбой удачи. Может, я и послушал бы его, если б не трехжильная Ксюша. Она жила меж домашней плитой и больничной палатой. Прибегала с утра, меняла судно, переворачивала мужа, чтоб не было пролежней и отека легких. У нянечек и медсестер, несмотря на подношения, руки до этого не доходили. Правда, иногда по ночам, когда никто не мог видеть, отчаяние накатывало и на нее. И тогда, стараясь утешить и снять головную боль, я легонько щекотал ее за ушком. Она вздрагивала, оглядывалась бессмысленно. Изумлялась наступившему внезапно облегчению. А после, будто поняв что-то, недоступное прочим, благодарно улыбалась. И, успокоенная, засыпала, положив голову на колени мужа. Так вдвоем его и вытянули. Признаюсь, когда всё кончилось, мне стало очень не хватать этих совместных ночных бдений.

Вот и теперь, как когда-то в больнице, Ксюша измученно простонала.

Не удержавшись, я опять легонько пощекотал ей за ушком.

Она резко обернулась, тревожно оглядела забившегося в

угол, непонятно взбудораженного Пирата.

Муж, чувствуя себя виноватым, примирительно погладил ее по ладошке.

– Да мне-то!.. – выкрикнула она. – Если тебе самому собственная жизнь не дорога! Тогда не добили, так добьют! Ведь не нищенствуем. Квартира, коттедж, машина. Не хуже других!

– А надо чтоб лучше! Я хочу, чтоб мой сын имел всё! Не поди знай что, а – всё!

Павел ласково огладил округлый, на шестом месяце животик жены.

– А я хочу, чтоб у нашего сына был отец! – не приняла примирительного тона Ксюша. – Нельзя победить всех! Сделай же раз в жизни по-моему. Христом Богом, чем хошь, прошу, Павка, отдай ты им эти акции проклятущие! Не себя, так меня с будущим ребенком пожалей. Отступись. Здесь-то что, кроме беды, накличешь? Тем более контрольного пакета больше нет! От сознания собственного бессилия Ксюша разрыдалась.

– Полно, Ксюха-рассюха, – как всегда, при виде слез жены Павел растерялся. – Не вовсе ж я тупой, чтоб двери лбом прошибать. И тоже понимаю, что после того как Женька с Андрюхой свою долю слили, завод не удержат. Если на то пошло, всё уже порешал. Бандюганы, они тоже соображение имеют. Да, пытались пригнуть, потом пристрелить. А как не вышло, так зауважали. На днях, если хочешь знать, Голутвин

сам пришёл, поклонился на моих условиях. А в условия я, будь спокойна, всё полной мерой заложил, – он похлопал себя по изрезанному животу, потом с новым значением огладил животик жены. – Так что опасности больше нет. Наоборот, всё у нас теперь будет. И деньги, и... Всё! Недельку только перетерпи. И такой тебя сюрприз ждёт!

Услышав про сюрприз, Ксюша заново затаилась, – чем-чем, а этим была накормлена досыта.

Машина меж тем проскочила через центр города, по Кирова, свернула в Алтынный переулок, и подъехала к автоматическим воротам перед их таунхаусом.

– Чего не заезжаешь? – Ксюша насторожилась.

– Да у меня еще встреча намечена, – с чрезмерной скорбностью отреагировал муж. – Дела, понимаешь.

У Ксюши заныло сердце.

– Опять? – выдохнула она.

– Что «опять»? Что ты снова-здорово себе напридумывала?! – взгляд мужа шкодливо заметался. – Слушаешь всяких дур. Сказано же, – деловая встреча! За два-три часа обернись.

Врать он не умел совершенно. Да раньше и не врал. Потому при виде его притворной обиды Ксюше сделалось нехорошо.

О том, что у мужа появилась какая-то пассия, она начала догадываться месяца через два после выписки его из боль-

ницы. Сначала, как водится, по липким намекам подружек. А затем, присмотревшись, и сама заметила. Как-то он обронил: «Ты бы за собой, что ли, следила. Забыла, когда последний раз маникюр делала?». Она поняла: «У той маникюр безупречный». И завывала от обиды, – ногти начали слоиться после бесконечных перекисей, которыми протирала его в больнице.

С тех пор в их отношениях возникла трещинка. Ксюше даже казалось, будто через эту трещинку стала понемногу вытекать ее любовь к мужу, прежде – безграничная.

– Чего тебе не йдется?! – с деланной горячностью выкрикнул Павел. – Живешь без отказа. И на тебе! С жиру, что ли, бесишься? Да любая другая счастлива была бы на твоём месте на всем готовом! – Вот пусть другая и будет, – в сердцах выпалила Ксюша. Заметила, как поджал губы самолюбивый муж. Но остановиться уже не захотела. Слишком накипело. – Знаешь, Игумнов, если думаешь, что на веки вечные купил меня, то – отдохни от этой мысли. Я за тебя замуж не за деньги пошла, а по любви. По любви и уйду, если что. Вместе с ребенком. Так и знай!

Она отстегнула ремень. Потянулась за сумочкой. Павел ухватил ее за плечо.

– Полно, горячка! Я чего решил! Уедем на днях отсюда. На мою родину, в Туапсе. На месте материнской халабуды коттедж поднимем. Катер морской купим, – можем теперь себе позволить. Я уж с дружками детства связался, чтоб ме-

стечко в бизнесе приглядели. По миру покатаемся. Ты ведь нигде не была. А тут – хоть в Египет, хоть на Канары – Багамы. Хоть, поди знай, куда. Куда пальцем на глобусе ткнешь, туда и рванем.

Ксюша, высвобождаясь, повела плечом.

– От кого бежишь, Игумнов? – горько усмехнулась она. Рука мужа ослабла и сползла.

Ссутулившись, Ксюша выбралась из джипа.

– Да будет себя накачивать, Ксюха! – донеслось из машины. – Я тебе главное скажу. Тебя я, после всего, что пережили, никогда не брошу. Кто бы чего ни желал!

От этого вырвавшегося «кто бы чего ни желал» Ксюшу перетряхнуло. Поняла то, о чем прежде лишь догадывалась, – уже желают.

– Делай как знаешь, – безысходно пробормотала она.

В голосе и в позе ее проступало нестерпимое страдание. Меня аж защемило. Заколебался и Павел. Но ненадолго.

Кот Пират перепрыгнул на переднее сидение. Зафырчал, привычно устраиваясь подле хозяина.

– Ты-то еще куда собрался?! Марш домой! – обрадованный возможности выплеснуть раздражение, Павел схватил кота за шкурку и вышвырнул на тротуар, – чего прежде не делал.

После чего рванул с места, рычанием мотора и визгом тормозов объявляя жене о незаслуженно нанесенном ею оскорблении. Я заметался. Из моего подопечного аж фонтанирова-

ла злая, притягивающая беду аура. Но слово, данное Анхэ, надо было держать. К тому же, в отличие от Ксюши, я точно знал, куда направился ее муж. Угрозы для жизни там не предвиделось. Я последовал за женой.

Через десять минут в квартиру позвонили. Ксюша, решившая, что вернулся раскаявшийся муж, с нарочитой нетерпеливостью пошла открывать. Увы, в дверном глазке обрисовалась фигура притоптывающей в нетерпении Оленьки.

Ксюша заколебалась, – сегодня ей никого не хотелось видеть. Тем более говорливую подружку.

Оленька, мать – одиночка, миниатюрная блондинка с зазывной поволокой в синих глазищах и пикантными ямочками на персиковых щечках, выросла и созрела в сознании собственной неотразимости. В самом деле, редкий мужчина мог устоять перед этой завлекающей улыбкой. В какой бы компании ни оказалась сексапильная синеглазка, она тут же принималась постреливать глазками, наполняя сердца мужчин истомой, а их жен – тревогой и неприязнью. К чести Оленьки, делала она это чаще всего вполне бескорыстно, просто из потребности лишний раз ощутить собственную власть над мужчинами. Но жёны-то об этом не знали. Неудивительно, что подруг, кроме снисходительной Ксюши, она не имела. Впрочем, и долготерпение Ксюши в своё время оказалось подвергнуто жестокому испытанию. Едва перед свадьбой она познакомила Павла с Оленькой, как та по своему обыкновению попыталась отбить его у подруги. Правда, без успе-

ха. В практике Оленьки— завоевательницы это оказался, пожалуй, единственный случай, когда мужчина пренебрег ею. Простить такое унижение она решительно не могла. И при встречах с Павлом переходила на язвительный тон, на который он реагировал с неизменным равнодушием. Что еще пуще выводило из себя незадачливую оболъстительницу. На вопрос Ксюши, почему он столь неприветлив с ее подругой, Павел отреагировал по обыкновению лаконично: «Стервочка». Про себя Ксюша с ним согласилась и, само собой, рассеять мужнино предубеждение не пыталась. Да и Оленька старалась при Павле лишний раз не появляться. Но раз пришла под ночь, очевидно, что-то стряслось. Ксюша неохотно откинула цепочку.

В квартиру подруги Оленька по обыкновению буквально ворвалась и тут же ухитрилась задеть плечом вешалку. В сердцах она выматерилась.

– Оп-ля! – спохватившись, Оленька опасливо прикрыла рукой рот. – Твой дома? – запоздало уточнила она. Ксюша отрицательно мотнула головой: – Чего на ночь, без звонка? – Потому что подруга! Знаешь, как поэт Светлов говорил? Дружба – понятие круглосуточное. И если плохо, то к кому еще податься? Без звонка, видишь ли! Да потому и без звонка, что плохо. Могу уйти, если некстати.

Оленька вновь потянулась к снятому плащу. Требовательно замерла в ожидании.

Плохо взбалмошной Оленьке бывало едва ли не каждую

неделю. Поводом для дурного настроения могло стать что угодно. Сопли у сына, разрыв с очередным любовником, «поехавшие» колготки. Утешать ее становилось занятием утомительным. К тому же в том состоянии, в каком пребывала Ксюша, она сама нуждалась в утешении.

Но сказать об этом мнительной подруге – значило спровоцировать разрыв. То, что другим тоже иногда бывает плохо, Оленька не осознавала, кажется, совершенно искренне.

– Будет кукситься. Проходи, раз пришла, – Ксюша подтолкнула гостью в гостиную, открыла уставленный спиртным бар, вопросительно приподняла розовый «Мартини» и ананасовый сок.

– Да, – подтвердила Оленька, с ногами обустроиваясь в любимом Ксюшином кресле. – Только набулькой сразу полный. Знобит.

Жадно, давясь, она выпила бокал. Это было что-то новенькое.

Ксюша пригляделась повнимательней. Оленьку и впрямь трясло. На молочно-белом личике проступало непритворное волнение.

– Что на этот раз случилось?

– На этот? В смысле? – вопрос будто вернул Оленьку из переживаний, в которые она погрузилась. – А! Женька замуж предложил.

Это не было свежей новостью и во всяком случае не объясняло причину Оленькиного волнения. Евгений Сапега ед-

ва ли не с восемнадцати лет вздыхал по юной соседке по двору. Увы, безответно! Предложения руки и сердца отвергались год за годом. После каждой неудачи незадачливый поклонник неделю восстанавливал уязвленную мужскую гордость в компании проституток.

– В какой по счету раз отказала?

– Я согласилась, – Оленька с сожалением заглянула на дно бокала. – В конце концов когда-то за кого-то идти придется. И Димке отец нужен. Пусть лучше этот, если уж не выходит по любви.

По любви у Оленьки и впрямь не выходило. Слишком нетерпелива была. Могла, например, во второй или третий вечер знакомства придумать себе именины и потребовать в подарок лисью шубу или ювелирный гарнитур. После чего оторопевший любовник обычно исчезал. От мужской скупости Оленька сильно страдала и выплакивала очередную обиду на груди подруги. Ксюша пыталась убедить ее, что нельзя требовать всего и сразу. Чрезмерная алчность отталкивает мужчин. Надо дать время, чтоб он ощутил себя любимым, и тогда «само покатит». В ответ Оленька оскорбленно фыркала. По ее мнению, дорогой подарок в начале знакомства – это тест, отделяющий истинного мужчину от никчемных безденежных прохвостов. Увы! Прохвостов в жизни Оленьки попадалось много больше. Тем не менее принципам своим она не изменяла и в двадцать три года продолжала менять любовников, подобно золотоискателю, промывающему

лоток за лотком в поисках золотого песка.

– Стало быть, Женька наскворчал на лисью шубу? – не удержалась от поддевки Ксюша.

Уловившая насмешку Оленька раздраженно поджала губки.

– Наскворчал! Брёдаешь! Тудамо-сюдамо! – передразнила она. – Сколько тебя учу манерам, а всё без толку. Нахвата-лась словесного мусора от муженька малограмотного. А что касается Сапег, – попытка не пытка. Не заладится, – возобновлю пасьянсы.

Пасьянсами изысканная Оленька отчего-то называла свои любовные романчики.

– Ничего, – свыкнется. Как в других семьях. Оленька намекаяще наморщила носик. Раздосадованная тем, что Ксюша не отреагировала, зло очерилась: – О тебе, между прочим, говорю. Муж во всю на сторону гуляет, а ты живешь за-жмурившись! Вот и сейчас, где он? Именно Оленька на правах подруги первой намекнула Ксюше, что у Павла кто-то завёлся. После чего мир в Ксюшиной душе задрожал и начал рассыпаться.

В висках Ксюши заколотило. Сил сдерживаться более не было:

– Ты что, с этим пришла?! Чтоб куснуть? Не могла дотерпеть до утра?

Добившаяся своего Оленька выпрыгнула из кресла, показав прильнула к взбешенной хозяйке: – Я поганка, правда?

Но, Ксюха, родная, если не я, то кто скажет? Другие-то вид делают, чтоб приятельницу не потерять. А я всё лбом коло-чусь... Ксюш, можно я у тебя заночую? Димка у предков. А одной быть дома так не хочется.

«Если не хочется одной, зачем опять сбагрила сына старикам-родителям»? – хотелось спросить Ксюше. А еще пуще хотелось выставить утешительницу, из тех, что, обнимая, не преминут ковырнуть ноготком открытую рану.

– Ночуй, конечно, – разрешила она. – Я тебе постелю, как всегда, в гостевой. Только ты тут сама, если хочешь, похозяйствуй. Закипяти чайник, заточи чего-нибудь из холодильника, полистай телевизор. А я лягу. Голова опять разгуделась, и – в животе колотит. Похоже, малышу наружу не терпится.

Отделавшись от докучливой приятельницы, Ксюша не уснула. К двенадцати ночи жгучая ревность вытеснилась ощущением беды. Она знала это несчастное своё свойство. Подобно тому, как у фронтовиков к дождю начинали болеть раны, так и у нее душа в предчувствии несчастья принималась метаться. В начале первого сердце вдруг с силой скакнуло в груди. Преодолев гордость, Ксюша набрала телефон Павла. Увы! Телефон голосил мелодией «Нежности», но не отвечал. «Возьми трубку, я спасу тебя», – бессмысленно заклинала она. В час ноль пять похолодевшая Ксюша совершенно явственно почувствовала, что сердце остановилось. И лишь через одну-две секунды, показавшиеся вечностью, запустилось вновь. Ощущение беды сменилось уверенностью

– беда пришла.

Когда в половине четвертого утра в дверь позвонили, Ксюша, придерживая живот, поднялась, накинула халат – точно зная, что как только распахнет входную дверь, привычная, устоявшаяся за годы замужества жизнь разом рухнет. Появилось даже детское искушение не открывать, а забиться с головой под одеяло, – может, тогда пронесет. Не пронесет, конечно. Всё, что могло случиться, уже случилось.

Она включила свет в прихожей, дошаркала до двери, слышала быстрое шуршание Оленьких тапочек от гостевой комнаты, и повернула ключ в замке.

На пороге с потерянным видом стояли Мазин и Сапега. Сзади, на площадке, угадывались голоса. Мелькнул силуэт в милицейской форме.

– Тут такое дело, Ксюха, – через силу пролепетал полненький Андрей Мазин. Он отер опухшие рачьи глаза и требовательно подтолкнул в бок Женю Сапегу. От несильного толчка массивного Сапегу качнуло. Стало заметно, что оба с трудом выходят из сильного опьянения.

Сапега обреченно вздохнул. Несколько раз открыл рот, так что в углу образовался сочный пузырь. Но так ничего и не выговорил. Лишь припал лицом к косяку. Плечи его мелко задрожали.

– Убит? – бесцветным голосом произнесла Ксюша.

– Нашли на окраине, у гаражей, – подтвердил Мазин. –

Чем-то тяжелым по затылку. Видно, подстерegli. Джип не тронули, зато забрали мобилу. Явная заказуха. С нами милиция, – он показал за плечо. – Они сразу ко мне приехали. А теперь вот вместе к тебе... Ведь сколько умоляли, – жизнь-то дороже!

Прервавшись, Андрей, а за ним Женя бросились подхватить сползающую вдоль стены беременную женщину.

– Голову, голову держите! Да аккуратней, олухи! – из гостиной квартиры на помощь бросилась Оленька.

Потерявшую сознание Ксюшу перенесли в спальню.

Очнулась Ксюша на постели, поверх одеяла. Над ней, придерживая подушку, со стаканом в руке склонилась встревоженная Оленька. В ногах сидел следователь прокуратуры Самарин.

Самарина Ксюша знала. Он расследовал прошлое покушение на Павла. Расследовал напористо, совершенно убежденный, что команда на убийство поступила от Степана Голутвина. Уверенность Самарина подкреплялась наличием мотива: борьба за завод, – а также тем обстоятельством, что убитый в перестрелке киллер оказался боевиком группировки «Вектра». Но, как часто бывает в подобных случаях, второй нападавший бесследно исчез, свидетелей и бесспорных доказательств добыть не удалось. Так что по прошествии двух месяцев самолюбивый Самарин, смилив гордыню, расписался в собственном бессилии, – приостановил уголовное дело за неустановлением виновного.

Сейчас, примостившись на краешке кровати, следовательно в нетерпении поигрывал сбитым носком туфли, – с видом охотника, взявшего наконец след изворотливого зверя.

Заметив, что хозяйка очнулась, он придал лицу скорбное выражение, скороговоркой изъясил соболезнования и принялся задавать дежурные вопросы: – Во сколько муж уехал? – Вёл ли в дороге переговоры по телефону? – Куда планировал поехать?

При ответе на последний вопрос Ксюша запнулась. Чуткий Самарин изготовился к более детальному допросу. Выручила Оленька, возмущенно потребовавшая оставить беременную женщину в покое.

Самарин с сожалением поднялся и перешел в гостиную. Последующие события Ксюша наблюдала через приоткрытую дверь спальни.

Несмотря на убежденность Самарина, что Голутвин изыскал-таки случай устранить неуступчивого конкурента, был он следователем добросовестным и помнил, что отрабатывать, наряду с основной версией, положено и все остальные. Потому начал с того, что поинтересовался, где в момент убийства находились компаньоны покойного (слово «покойный» резануло Ксюшу).

Выяснилось, что Мазин проводил ночь в компании двух проституток в своем загородном доме. Там и застал его приехавший наряд милиции.

– Баб этих знаешь? – уточнил Самарин.

– Знаю, конечно. Вика и... Нинка, кажется, – уныло пояснил Мазин. – Да они и щас, поди, у меня. Я-то, как сообщу, сразу сюда. А ваши остались в доме, чтоб их допросить. Можете сами вызвать.

– Не к спеху... Ну, а ты? – обратился Самарин к Сапеге.

Ксюша расслышала, как тот что-то зашептал.

– Громче! – потребовал Самарин.

– Если можно, я хотел бы после. Один на один, – придуренный голос Жени звучал умоляюще.

– Нельзя! – отрубил Самарин. – Мне еще не хватало на тебя время тратить. Живо выкладывай алиби, если имеешь. Ну!

– Да вы чо, на нас с Андрюхой, что ли, катите?! – голос Жени задрожал от обиды. – Совсем оборзели? Нам Павлуха больше брата был. Не можешь Голутвину доказать, так решил крайних найти?! Оно, конечно, безопасней, чем с «Векстрой» в контры входить. Давай! Ты еще мать его родную проверь, вместо чтоб раскрывать!

– Я жду, – устало напомнил Самарин.

– Да вдвоем они были, – вошедший в комнату опер бросил перед следователем два заполненных протокола допросов. – Групповичок. Девки подтвердили, что аж до нашего приезда шарились.

– Вот сволочь! – Оленька, забывшись, пристукнула кулаком по Ксюшиной подушке. – И я еще за этого ублюдка замуж собиралась.

– Оленька! Да ведь чисто символически. Вроде как последний мальчишник, – умоляюще пролепетал Женя. – Там вообще на самом деле один Андриушка их долбил. А я больше насчет выпить хлопотал.

Понявший подоплеку Самарин виновато потрепал понурившегося Сапегу по плечу:

– Извини, мужик, что невольню тебя вложили! Но – для нас главное – алиби.

В кармане Самарина зазвонил мобильник.

– Слушаю! – ответил следователь. – ...Это точно?...А по времени? ... Всё, жди. На вскрытии буду.

– Вот ведь какие дела, – озадаченно произнес он, поднимаясь. – Позвонил из морга судмедэксперт. Оказывается, раны на затылке две. – Во сколько все-таки...убили? – выдавил Сапега.

– В том-то и загадка. По времени получается, – Самарин важно сверился с циферблатом массивного хронометра, – что первый удар нанесли где-то в двенадцать. А второй, которым добили, – в час – час пятнадцать. И чего они столько времени тянули? Пытались, что ли? Ксюша вспомнила, как скакнуло сердце в первом часу, а потом пророчески остановилось в час ноль пять. Она вскрикнула. Вскрик отозвался острой болью внизу живота. Начались преждевременные схватки.

Вызвали «Скорую». Потерпевшую отвезли в больницу, где случился осложненный выкидыш. Жизнь матери спа-

сти удалось. Однако дорогой ценой. По заключению врачей, иметь детей ей отныне не суждено. Узнав о страшном приговоре, Ксюша впала в новую депрессию. Еще не зная всего, что уготовала ей судьба.

К немалой досаде Самарина, расследование вновь зашло в тупик. Главная неприятность ждала в офисе «Вектры». При первом же допросе Степан Голутвин ошарашил заявлением, что мотива для убийства у компании не имелось вовсе, – за два дня до смерти Игумнов, вслед за компаньонами, подписал договор об уступке своей доли в капитале стеклозавода в обмен на пакет акций «Бритиш петролеум» на общую сумму девятьсот пятьдесят тысяч долларов. Дубликат акта приема-передачи подтверждал, что акции были отданы Игумнову в тот же день.

– «Отморозок» этот нам дорого обошелся, но расплатились по-честному, – заявил, выпроваживая удрученного следователя, Голутвин. – Как в прошлый раз? – не поверил Самарин.

Однако экспертиза подтвердила подлинность подписи Игумнова. Правда, сами акции так нигде и не обнаружили. Очевидно, зная, с кем имеет дело, Игумнов хорошенько припрятал новую собственность. Времени на это у него было предостаточно.

А еще спустя пару недель при аудите завода обнаружилось, что незадолго до убийства Игумнов сумел-таки полу-

читать в одном из банков двухмиллионный долларовый кредит – на покупку нового оборудования. Деньги тогда же обналичил. Но директорский сейф при вскрытии оказался пуст. Мазин и Сапега о кредите знали, но все дальнейшие решения принимал Игумнов, поскольку к тому времени сами они уступили свои акции «Вектре», и, по приказу Игумнова, на завод их больше не пускали.

В поисках пропавших денег оперативники обшарили все места, где бывал покойный, опросили всех, с кем встречался он за последнюю неделю. К розыску подключилась и «Вектра». Ведь именно ей как новому собственнику завода предстояло теперь вернуть полученный кредит банку. Люди Голутвина, перерывая городскую квартиру, отрывали обои, вскрывали полы. Загородный коттедж разбирали чуть не по досточке. Увы! Ни акции «Бритиш петролеум», полученные Игумновым от «Вектры», ни два миллиона долларов обнаружить так и не удалось.

Добросовестный Самарин не поленился съездить на родину Игумнова, в Туапсе, и установил, что при последнем приезде тот вел переговоры о покупке дорогого участка земли на побережье и даже открыл счет в местном банке, на который планировал перевести крупную сумму.

Образ погибшего сильно потускнел. Из-под личины непримиримого борца за интересы завода всё больше проступал плут, примерявшийся сбежать с чужими деньгами.

Как бы то ни было, пострадавшей стороной оказалась

«Вектра». Правда, по городу ходили упорные слухи, что Игумнова все-таки убили боевики Голутвина. Но слухи остались слухами. Зато факт хищения Игумновым двух миллионов был подтвержден прокуратурой. Позиция следствия выглядела железной: если Игумнов не планировал украсть полученный кредит, то с какой целью он обналичил огромную сумму? На основании следственного постановления «Вектра» через суд описала всё имущество покойного, включая квартиру, загородный коттедж, машину, деньги на счете.

Так что вышедшая в январе 2002 года из больницы Ксюша осталась без крова и без средств к существованию.

Эпизод 2. Февраль 2008 года. Джайпур (Индия)

Если чувствуешь недостаток драйва, вовсе не обязательно прыгать с тарзанки, лезть на Эльбрус или заявляться на выборы в Госдуму.

Купи путевку в Индию и прокатись по «золотому треугольнику». А для полноты впечатлений возьми на прокат машину и попробуй самостоятельно въехать, например, в Джайпур – небольшой по индийским меркам городишко на три с половиной миллиона жителей.

Не сомневайся, – выброс адреналина обеспечен. Въезжать придется по местной автотрассе, состоящей из двух встречных извилистых полос, забитых разномастным транспортом. Крытые куском железа трехколесные мотороллеры «Отто», велорикши, запряженные в двуколки верблюды, груженные ослы и битые-перебитые авто, в поисках лазейки беспорядочно снующие из ряда в ряд, – без всяких предупредительных сигналов. Их заменяют энергичные взмахи рук. Всё это непрерывно гудит, мычит, блеет и с криками и руганью продирается вперед. Лишь редкие слоны движутся в бешеном потоке мерным шагом, ни мало не обращая внимания на суетолюку и суету внизу. Разве что лениво разгоняют хоботами бесчисленных велосипедистов.

Скромный, маленький «Пежо» со сломанным кондиционером – не слон. Раздвигать себе хоботом дорогу не способен. На окраине Джайпура полнотелый, измаявшийся от духоты водитель машины с трудом пробился из безумного потока на обочину, выбрался, обливаясь потом, наружу. Из правой дверцы появилась молодящаяся шатенка лет сорока в коротенькой обтягивающей маечке и в джинсах на бёдрах, из-под которых торчали стринги. Оба принялись ошалело озираться вокруг. Здесь, на обочине, кипела своя, диковинная жизнь. Если бы не гул автострады, можно было бы подумать, что путешественники попали в колониальную Индию времен восстания сипаев. Даже одежда та же, что на картинках в учебниках истории: сари на женщинах, белые штаны и цветастые рубахи на мужчинах. Вдоль дороги кучно стояли лотки с фруктами, орехами и пряностями. Меж ними втиснулась парикмахерская под открытым небом, – босоногий брадобрей с кисточкой сновал вокруг клиента, который, сидя на стуле, с важностью разглядывал свое отражение в воткнутом в землю зеркале. Чуть в глубине расположился палаточный городок из сшитых кусков разноцветной мешковины, натянутой на корявые, разной длины палки, отчего сами палатки выглядели перекошенными и горбатыми.

Меж палаток на лужайке спали люди, горели костры с булькающими закопченными котелками, у колонки стирали белье, ветер носил клочки бумаги, за которыми весело гонялась безнадзорная детвора. Позади палаток, перед длинным

забором находился небольшой карьер, в котором работали женщины. Одни из них насыпали гальку в медные тазы, грузили тазы на голову другим, и те, плавно покачивая бедрами, переносили их к строящемуся дому. Возле раскидистого дерева изможденный седобородый старик, широко расставив ножки-тростинки, в задумчивой сосредоточенности справлял малую нужду.

Впрочем, едва путешественники выбрались из авто, вся эта бурлящая жизнь замерла. Европейцы смотрели на туземцев, местные, с уважительным изумлением, разглядывали белых людей. Особенный интерес вызвала блондинка. Мочащийся старец при виде светлых волос в невольном восхищении распахнул беззубый рот, – не переставая, впрочем, пускать вялую струйку. Два мира встретились и удивились один другому.

Взгляды женщины и мужчины пересеклись. Губы ее сжалась в узкую язвительную полоску:

– Что, Коля-Николаша? Экстремал хренов. Добился своего? Вот уж муженек достался, прости Господи! Ведь предлагали взять гида. Так нет, тебе, видишь ли, захотелось погрузиться в самобытность. Погрузились по самое во! – она бесцеремонно ткнула в сторону испражняющегося старика. – И что теперь прикажешь делать? Как в этом бедламе найдем свой отель?

– А хрен его знает, – озадаченно отозвался полнотелый Коля. – По карте вроде получалось, что едем куда надо.

– По карте! – передразнила жена. – Какая в этом сраче может быть карта? Это тебе не Москва... Может, хоть по-английски кто понимает?... Эхскьюз ми! Уи вонт...

Наткнулась на непонимающие лица:

– Бесполезно! Даже этого не знают. Проклятая азиатчина!.. Ну, а вам чего? Денег, конечно!

Местная детвора – полуголые, оживленные чертенята с подкрашенными глазами, – сгрудились вокруг белых и принялись с ужимками теревить их за одежду. Меж прочими сверстниками застыла пятилетняя смуглянка с мелкими, под барашек, кудряшками, сияющая, будто уголек из костра. В отличие от приятелей, она не протягивала ладонь, а, казалось, внимательно вслушивалась в разговор путешественников, словно силясь вникнуть в смысл произносимых звуков. – Правду, видно, говорят, что цыгане из Индии пошли, – сквозь зубы процедила женщина. – Один в один – попрошайки! Придется дать мелочь, – иначе не отстанут. Только постарайся, чтоб не дотрагиваться. А то еще заразу какую-нибудь подцепим. Она неохотно выудила из сумочки несколько драхм и раздала тем, кто поближе. Поколебавшись, протянула последнюю монетку маленькой «кудряшке»: – Наверняка из касты неприкасаемых. Гляди, какие рожи тупые. Девчушка насупилась. – Никакие мы не неприкасаемые и не тупые, – внезапно по-русски произнесла она. – Сами вы невдалые. Заблудились в двух соснах. И еще нас же обзывают. Не поверив собственным ушам, женщина оглянулась на закаме-

невшего мужа.

– Отель-то как называется? – требовательно спросила смуглянка.

– «Индиана», – сглотнул прорезиненную слюну Коля.

– О! Я и говорю, – не туда забрёдали. Это далёко отсюда, – девочка озабоченно, явно подражая взрослым, поцокала язычком. – Дай десять рупий, скажу.

Не отрывая от нее ошарашенного взгляда, Коля полез в карман и протянул едва ли не первую попавшуюся бумажку.

Девочка с важностью приняла крупную банкноту, засунула поглубже за ворот платица. В глазах ее появилось лукавство.

– Сейчас переедете мост, – она вытянула пальчик к дороге, и впрямь поднимавшейся вверх, – а сразу за ним – напрова. Двести метров и – ваш отель.

Полагая, что ловко надула путешественников, и боясь расплаты за обман, она попыталась шмыгнуть за спины приятелей, но не сумела, – индийцы, пораженные тем, что их малышка ловко лопочет на каком-то неведомом языке, который хорошо понимают белые, сгрудились плотным кольцом.

Блондинка ухватила девчущку за запястье, присела на корточки рядом:

– погоди убежать! Тебя как зовут? – Рашья, – испуганная всеобщим вниманием, пролопотала та, делая новую попытку ускользнуть. Но женская рука оказалась крепкой.

– Ты откуда по-русски так научилась? Жила у нас? С кем?

Где твои родители? Да отвечай же!

Девочка, не видя выхода, захныкала. Одна из торговок, с тревогой следившая за происходящим, протиснулась через толпу и подхватила ее на руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.